

с целью выявления спорных моментов, дающих оптимальное основание для вероятностного прогнозирования и упреждающего синтеза.

Как учебник для высшей школы рецензируемая книга содержит и указания относительно методики подготовки переводчиков-синхронистов, основанные на разработанной автором модели СП. Стержнем этой методики является сообщение знаний, способствующих повышению субъективной избыточности сообщения для переводчика, и выработка у него навыков, обеспечивающих необходимый автоматизм его речевых действий. К сожалению, именно этот раздел, представляющий наибольший интерес для преподавателя-практика, изложен крайне лаконично и по существу сведен к схематическому изображению, с трудом поддающемуся расшифровке без помощи опытного методиста (с. 242—243).

В целом книга Г. В. Чернова является ценным вкладом в развитие теоретико-прикладных исследований в области психолингвистической теории перевода, может явиться импульсом для дальнейшего развертывания научных работ в этом направлении, имеющем основание стать од-

ним из приоритетных в современном языкознании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чернов Г. В. Теория и практика синхронного перевода. М., 1978.
2. Ширяев А. Ф. Синхронный перевод. Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода. М., 1979.
3. Сяусарева Н. А. Смысл как экстралингвистическое явление // Как подготовить интересный урок иностранного языка. М., 1963.
4. Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория. М., 1973.
5. Анохин П. К. Философские аспекты теории функциональной системы. М., 1978.
6. Жинкин Н. И. Грамматика и смысл // Язык и человек. М., 1970.
7. Фейгенберг И. М. Вероятностное прогнозирование в деятельности мозга // Вопросы психологии. 1963. № 2.
8. Фейгенберг И. М. Память и вероятностное прогнозирование // Вопросы психологии. 1973. № 1.

Цвилянг М. Я.

Lamprecht A. Praslovánština. Brno: Univerzita J. E. Purkyně, 1987. 197 S.

Наука о праславянском языке, закономерно обособившаяся от сравнительной грамматики славянских языков, в последние десятилетия достигла значительных успехов. И это вполне понятно, так как вопросы вычлечения из индоевропейской общности и становления праславянского языка, его хронологизации и выявления внутривидовых движущих причин его развития относятся к основным проблемам славянского языкознания. Об этом свидетельствует не только множество работ о праславянском языке, но и существующие разногласия в подходах к решению указанных проблем. Именно этим объясняется успех широко информированного и хронологически обоснованного подхода американского слависта Х. Бирнбаума к этой проблематике [1].

Книга известного чешского слависта А. Лампрехта (1919—1985) является обобщающим трудом о праславянском языке. Развивая свои взгляды на праславянский язык [2—5], Лампрехт сформулировал наиболее четко свой подход на VII съезде славистов в Варшаве (1973): «... тот праславянский язык, каким мы его знаем в реконструируемой форме из большей части этимологических словарей и в значительной мере отраженной в древнейших старославянских памятниках, является образованием, возникшим сравни-

тельно незадолго перед фиксацией в старославянских текстах» (с. 11). В связи с этим утверждением указываются основные этапы развития праславянского языка:

I. Ностратический период и его распад около 8000 г. до н. э. (очевидно, в рамках 9000—7000 гг. до н. э.);

II. Индоевропейский период, состоящий из двух этапов:

а) протоиндоевропейского (после распада ностратического сообщества);

б) раннего индоевропейского и собственно классического индоевропейского этапа (примерно до 3000 г. до н. э.);

III. Распад индоевропейского праязыка и образование ранних основных позднейиндоевропейских ареалов (около 3000 г. до н. э.);

IV. Отделение протобалтийских (балтославянских) диалектов от других индоевропейских (после 2000 г., возможно, около 1500 г. до н. э.);

V. А. Начало выделения славянских диалектов из протобалтийского (балтославянского) сообщества (около 400—500 гг. до н. э., возможно, в пределах 700—200 гг. до н. э.). Этот так называемый «ранний праславянский» в фонетико-фонологическом отношении все еще близок к балтийским диалектам;

Б. Возникновение так называемого «классического праславянского» в 400—800 гг. н. э.;

В. Повдний праславянский язык 800—1000 гг. н. э., переходящий постепенно в древнейшую стадию развития отдельных славянских языков или их частных объединений (см. [6]).

Книга содержит девять глав. В первой изложена общая линия развития праславянского языка. К сожалению, автор не касается историко-культурных и археологических моментов, связанных с функционированием праславянского языка, ограничившись краткими замечаниями о прародине славян, относительно поздним этногенезе славян по сравнению с кельтами и германцами (ср. [7]).

Вторая глава посвящена характеристике индоевропейской фонологической системы и ее отражению в праславянском. Намечены общие линии развития индоевропейских согласных, сонантов, гласных примерно к III тыс. до н. э., сделаны замечания о фонемной структуре морфем, ударении и интонации.

В третьей главе прослежены фонетические явления в эпоху после распада индоевропейского сообщества до протобалтийского (балтославянского) и раннего праславянского. Речь идет прежде всего об изменении *s* после *i*, *u*, *r*, *k* и переходе палатальных заднеязычных *k'*, *g'* в спиранты *š*, *ž*. Изменение *s* в *ž* связано с эпохой тесного соседства протобалтийских диалектов с прапранскими языками (700—200 гг. до н. э.). Время изменения *s* в *ž* вообще не поддается определению. Автор анализирует лексемы с начальным *ž*, а также заимствования и образования по аналогии. Система гласных в праславянском после 400 г. н. э. была следующей: *i* — *y*, *ь* — *ъ*, *e* — *ѣ*, *ѧ* — *а*. Гласный *ѧ* представляет собой краткое *a*, из которого позднее возник гласный *o* (в результате лабиализации). В итоге четко обозначилась группировка на гласные переднего и заднего образования и постепенная делябиализация долгих гласных. К этому периоду автор относит также возникновение протетических согласных.

Четвертая, центральная глава посвящена развитию так называемого классического праславянского языка в 400—800 гг. н. э. Подразделение гласных на передние и задние отразилось на системе согласных при осуществлении I палатализации. Завершение делябиализации задних гласных (*y*, *ъ*, *ѧ*) могло произойти или перед I палатализацией, или лишь перед монофтонгизацией дифтонгов. Система согласных раннего праславянского языка включала в свой состав: *p*, *b*, *t*, *d*, *s* (*š*), *z*, *k*, *g* (*ch*). Заднеязычные *k*, *g* уподоблялись последующим гласным переднего ряда *i*, *ь*, *e*, *ѣ* и подвергались палатализации: *k* > *č*, *g* > *dž* > *ž*, (*ch* > > *ž*). Первая палатализация была осу-

ществлена во всех славянских диалектах еще до 500 г., когда славянские племена стали занимать новые места поселения. С другой стороны, она произошла после заимствования некоторых слов из германских языков (**helmaz* > *šelmъ*, **kinda* > *čędo*). Известно, что готская держава была разгромлена гунами в 375 г. Это первое хронологическое указание. Другие хронологические моменты связаны с восточными славянами, которые в V в. в верховьях Днепра ассимилировали балтийские и финские гидронимы с результатами первой палатализации (*Laukesa* > > *Lucesa*, *Akesa* > *Ocesa*, *Jisora*, *Selisoj rowka*). По убеждению автора, эти данные дают основание считать, что I палатализация проходила примерно в пределах 400—475 гг. (+25 лет). Он ссылается на мнение Л. Новака, который полагает, что для фонетического изменения достаточно 75 лет, т. е. жизни трех поколений [8].

Тенденция к слоговой гармонии проявилась также в праславянских перегласовках *y* > *i* ('*ъ*' > *ь*) и *ѧ* > *e*. Эти перегласовки произошли до монофтонгизации дифтонгов, так как *di* давало *ѣ*, а *di* > *ei* изменилось в *i*. Тесное взаимодействие согласных и гласных в составе одного слога в праславянском языке стало проявляться тенденцией к открытому слогу. Закон открытых слогов, или стремление к восходящей звучности слога, действовал на протяжении всей праславянской эпохи (до 800 г. н. э.), от I палатализации и праславянских перегласовок вплоть до перестановки планых. Отчасти его действие осуществлялось и позднее в виде утраты носовых на части славянской территории и прекратилось после утраты редуцированных в конце X в. (на Руси на 150—200 лет позднее). В середине слов произошла смена слогораздела, причем сохранились лишь такие группы согласных, которые были обычны для начальных слогов. В сочетаниях *tl*, *dl* было возможно двоякое решение. Если слог заканчивался неслоговыми *ž*, *y*, то происходила монофтонгизация дифтонгов, если слог был закрыт *n*, *m*, то возникали носовые гласные, если слог закрывался *r*, *l*, то происходила их перестановка. Все конечные согласные утрачивались.

Монофтонгизация дифтонгов повлияла на систему гласных и согласных фонем. В процессе монофтонгизации *ou*, *eu* возник новый лабиализованный гласный в двух вариантах — *u* и *ju*. В итоге прежняя система гласных была нарушена и был дан импульс к перестройке всей системы гласных, прежде всего в лабиализации кратких гласных (*ѧ* > *o*). В системе согласных монофтонгизация обусловила II палатализацию. В хронологи-

ческом плане, по мнению автора, дифтонги еще существовали около 500 г. Самый процесс монофтонгизации происходил в годы 500—575 или 525—600. Лампрехт опирается в своей датировке на материалы топонимики и этнонимии, введенные в научный оборот З. Штибером и К. Бидуалом [9, 10]. II палатализация задненёбных проведена была в 575—650 гг. (+25 лет), т. е. через 100 лет после завершения первой палатализации. Она носит общеславянский характер, хотя имеются диалектные явления: группы *kv*, *gv* в начальных слогах для западославянских языков и варианты *s/s*. Более сложным является объяснение III палатализации, тождественной по результатам второй. По мнению автора, в III палатализации следует усматривать тенденцию к межслоговой (словной) гармонии. Отмечается мнение Ф. Мареша о действии этой палатализации до закона открытых слогов, точка зрения Ю. Шевелова, в соответствии с которой она предшествовала II палатализации, наконец, интересные материалы, собранные Ф. Копечным в пользу того, что это был словообразовательный тип аффиктивного характера [11]. Автор не исключает возможности влияния на словную гармонию со стороны алтайских (гуниский, аварский, булгарский) языков.

После палатализации задненёбных начало действовать смягчение зубных (альвеолярных) согласных перед *j*. Различие между славянскими языками проявилось прежде всего в трактовке *tj*, *dj*. Эти процессы могли начаться около 650 г. (на западе) и завершиться на востоке и юге приблизительно в 750 или 775 г. [схематически 675—750 (+25 лет)]. Проблематичным является вопрос о *l* вторичном при губных и его истории в западославянских языках. В итоге для восточнославянских диалектов, на базе которых развился древнерусский язык, актуальна была следующая система согласных: *p — b*, *t — d*, *s — z*, *c' — s' — z'*, *č — š — ž*, *k — g — ch*, *n — n'*, *r — r'*, *l — l'*.

После 800 г. имеются лингвистические факты о прошедшей перестановке плавных в группах *tort*, *tolt*, *tert*, *telt*. В этих сочетаниях в духе закона открытых слогов вершина звучности перешла на второй компонент. Этот союрный элемент развивал перед собой или вслед за собой гласный признак, который переживал различную историю в славянских языковых группах. Наряду с перестановкой плавных следует учитывать переход *ā* в *o*, ибо от совокупности этих явлений зависел фонетический облик слова после перестановки плавных. Перестановка плавных происходила примерно в 750—825 (или 775—850) годах. У восточных славян этот процесс был живым еще

в IX в., о чем свидетельствует турецкий топоним *Tamantarkan*, изменившийся через *Tymptorokan* в *Tymutorokan*. Аналогично развивались и группы *tart*, *tolt*, *telt*, в которых звучность сосредоточивалась на плавном элементе. Последующая история подобных сочетаний принадлежит уже истории отдельных славянских языков.

Наконец, в праславянском позднего периода возникли носовые гласные *o* и *ę*. Они появились после смягчения зубных, т. е. после 750 г., в 750—825 гг. Довольно быстро носовые утратили носовой призвук, на Русь и в Чехию это произошло около 950—1025 гг.

После происшедших изменений система гласных, нарушенная возникновением диглабилованных *'u*, *u*, получила тенденцию к лабиализации кратких гласных заднего ряда *ъ* и *ā* > *o*. Фонологическая долгота после этих изменений оказалась избыточной, ее место заступило качество гласных *e — o*. Сокращение долгих гласных коснулось прежде всего конца слова. Сокращения не было в трех позициях: 1) в двусложных словах перед ударением: чеш. *tráva* (русс. *травá*), *mouka* (русс. *мука́*); 2) в двусложных словах с акутовой интонацией: чеш. *vrána* (русс. *ворона́*), *moucha* (русс. *муха́*); 3) в трехсложных словах перед внутренним ударным кратким гласным: чеш. *národ* (из *narodъ*). На восточнославянской территории возникла такая система гласных: *i — y*, *'u/u*, *ъ — ъ*, *e — o*, *ě — a*. Глава завершается замечаниями о новой структуре славянского слога, системе чередований, праславянском ударении и интонации.

Пятая глава характеризует фонологическое развитие в конце слова при склонении и спряжении. В шестой главе анализируется развитие фонологической системы в позднем праславянском. Здесь разбираются возникновение противопоставления по твердости и мягкости, утрата носовых, проблемы стяжения, утрата и вокализация редуцированных, возникновение нового акута и заместительного удлинения.

Книга завершается кратким обзором фонетико-фонологических систем славянских языков после распада праславянского.

Таким образом, монография А. Лампрехта содержит ценное и систематическое изложение временных границ, периодизации и хронологии развития праславянского языка. Автор не одинок в основных идеях своей книги. Он развивает инноваторский подход к периодизации праславянского языка Н. Ван-Вейка, опирается на выводы В. Кипарского, К. Э. Бидуала и З. Штибера. Однако в работе А. Лампрехта содержится весьма привлекательная

для слависта хронологическая приуроченность многих фонетико-фонологических явлений. Это свойство книги будит мысль и приближает нас к установлению абсолютной хронологии праславянских языковых изменений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурибаум Х. Праславянский язык: достижения и проблемы в его реконструкции. М., 1987.
2. Lamprecht A. K chronologii foneticko-fonologických změn v praslovanštině // SaS. 1973. Roč. XXIV. C. 2.
3. Pozdní praslovanština a její vývoj na východoslovanském území // Cs. přednášky pro VII mezinárodní sjezd slavistů. Linguistika. Praha, 1973.
4. Lamprecht A. Praslovanština a její chronologické členění // Cs. přednášky pro VIII mezinárodní sjezd slavistů. Linguistika. Praha, 1978.
5. Lamprecht A. Praslovenská geneze slovenštiny // Československá slavistika 1983. Praha, 1983.
6. Erhart A. Indoevropské jazyky. Srovnávací fonologie a morfologie. Praha, 1982.
7. Váňa Z. Svět dávných Slovanů. Praha, 1983.
8. Novák Ľ. K najstarším dejinám slovenského jazyka. Bratislava, 1980.
9. Stieber Z. Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich. Fonologia. Warszawa, 1969.
10. Birdwell Ch. S. The chronology of certain sound changes in Common Slavic as evidenced by loans from vulgar Latin // Word. 1961. 17.
11. Kopečný F. Lze, nelze, nelze // SaS. 1972. Roč. XXXIII. C. 2.

Кондратов П. А.

Л. А. Булаховский и современное языкознание. К 100-летию со дня рождения. Сборник научных трудов. Киев: Наукова думка, 1987. 288 с. (на русском и украинском языках).

Кажется невероятным, что 1988 год был годом столетия со дня рождения выдающегося языковеда-слависта, академика АН УССР, члена-корреспондента АН СССР Леонида Арсеньевича Булаховского. Невероятным потому, что многие относительно молодые советские лингвисты помнят украинского ученого, хорошо знают его труды (число которых превышает 400 наименований) и развивают его идеи, а студенты-филологи с интересом штурмуют его учебники. О том, что Леонид Арсеньевич продолжает оставаться нашим современником, свидетельствует и изданный «Наукой думкой» сборник научных трудов видных советских и зарубежных лингвистов.

В сборнике — две части. Первая, — так сказать, «мемориальная», где дается всестороннее освещение фундаментальности наследия Л. А. Булаховского с проекцией в современность; вторая — общелингвистическая, в которой на конкретном материале демонстрируется продуктивность направлений и идей, выдвинутых в свое время ученым. Граница между обеими частями, конечно же, довольно условна, ибо эти части объединены стремлением отразить научные интересы Л. А. Булаховского.

Сборник открывается обобщающим очерком жизни и научной деятельности Л. А. Булаховского, написанным его ученицей Т. Б. Лукиной. Этот очерк предваряет все последующие статьи книги. «Те, кому посчастливилось учиться у Л. А. Булаховского, общаться с ним, помнят его не только как большого

ученого и блестящего лектора, необыкновенно эрудированного, с тонким чувством юмора, но и как очень доброжелательного, чуткого, внимательного человека; вместе с тем он умел быть твердым и непреклонным в принципиальных вопросах» — таким видится Учителю автору очерка (с. 10).

В первой части книги удачно собраны работы по тем аспектам языкознания, в которых Л. А. Булаховский оставил глубокий след. А. В. Десницкая определяет в своей статье место украинского ученого в ряду классиков советского языкознания — в ряду, который представлен такими именами, как Л. П. Якубинский, В. В. Виноградов, В. М. Жирмунский. Особое внимание автор статьи уделяет концепции литературного языка, которая создавалась украинским исследователем в живом творческом диалоге с этими учеными. М. М. Пешак в статье «Л. А. Булаховский о методах в языкознании» демонстрирует методологическую комплексность подхода классика советской лингвистики к языковым фактам: в его трудах используется 21 (!) метод анализа последних (от статистического, экспериментального и сравнительно-исторического до статистического и лингвостатистического). Важно, что как и у современника Л. А. Булаховского, ленинградского профессора Б. А. Ларина, методологическая широта вытекает из обеспечения полноты материала» (с. 35).

Целая серия статей первого раздела посвящена славистическому (в широком